

Изобретатели, дворянские заседатели и кавалеристы

Сергей Михайлович Прокудин-Горский, изобретатель цветной фотографии, был старшим братом моего деда Владимира Михайловича.

Родился он в 1863 году.

Всю жизнь, стремясь найти хоть какие-нибудь следы Прокудиных-Горских, я каждое свое посещение библиотеки в Ленинграде, в Москве ли начинала (еще со студенческих лет) с каталогов: «Прокудины-Горские...» — и ничего...

Лишь совсем недавно, уже привычно ничего не ожидая от ящиков с картотеками, но все-таки по-прежнему надеясь найти следы старинного рода, которым так гордился мой дед, я обратилась к библиографу.

Стеснялась даже сформулировать вопрос: «Как мне найти что-нибудь о Прокудиных-Горских?» Библиограф молодой, не поймет — боялась я. Но он быстро и даже как-то радостно прореагировал: «Прокудин-Горский? „Цвет России“? Изобретатель цветной фотографии? Как же, как же, у нас есть материалы».

Сергей Михайлович Прокудин-Горский сделал в свое время более 2000 цветных снимков, создав таким образом величественную видовую панораму России от Волжских степей до Сибири.

Возил свою фотоколлекцию по городам и весям, как бы предлагая внимательнее «разглядеть» Россию. Показывал коллекцию и в Европе.

Цветные фотографии Прокудина-Горского являлись тогда для многих европейцев «первым путешествием по России». Такое фотопутешествие, да еще «в цвете» вызывало зрительский восторг. Сергею Михайловичу всегда сопутствовал успех. Полный успех.

Еще до «Русских сезонов» Сергея Дягилева Сергей Прокудин-Горский познакомил Европу с Россией.

Фотографу удалось сделать открытие в области светописи, которым заинтересовался Дмитрий Менделеев, организовавший у себя в университетской квартире кружок, а затем и фотографическое общество.

При знакомстве с фотонаследием Прокудина-Горского не перестаешь восхищаться тематическим многообразием запечатленных им «картин» и глубокой любовью, вложенной в них автором. В тысячах своих фотографий он как будто восклицал стихами Александра Блока «О Русь моя, жена моя»!

Не только «экзотика» русской крестьянской жизни: юные красавицы в нарядных сарафанах и кокошниках, щедро угощающие лесными ягодами; деревенские избы; заснеженные равнины.

По-новому увидена жизнь малых народов России: красочно и многообразно.

Взгляд гуманиста сознательно отбирал сюжеты для «увековечивания»: ручной труд на горных производствах, где женщины и подростки лопатами преодолевают железную породу — «Работа на Бакальском руднике»;

особенности художественного производства — «Формовка художественного литья. Касли»;

новизна транспортных средств — «Паровоз перед депо» и многие, многие другие, как будто остановившие давно ушедшее время.

Промышленность, рудники, транспорт...

Но в душе фотографа всегда жил поэт.

Особое место в его фототворчестве занимал портретный жанр.

Одной из лучших работ С.М. Прокудина-Горского принято считать портрет Льва Николаевича Толстого. При первом же взгляде на него понимаешь, что он рожден высокоартистической душой фотографа.

Портрет графа Л.Н. Толстого, исполненный в мае 1908 года, являлся единственным портретом, сфотографированным «в красках непосредственно с натуры».

Несмотря на некоторые неблагоприятные условия фотографирования, — вспоминал Сергей Михайлович, — вследствие проходившего в мае месяце циклона... я, тем не менее, мог ограничиться экспозицией всего в шесть секунд, включая сюда и время, потребное для передвижения очень большой кассеты.

...Кассета была доставлена мною на руках в Москву, где только было возможно вынуть из нее пластины для упаковки их.

Проявление пластины произведено в Петербурге.

Странно и любопытно читать о таких, почти непреодолимых тогда, сложностях фотографии. Сейчас они нам и в голову не придут — нажал на кнопку, и снимок готов! А тогда «проходивший в мае месяце циклон» мешал созданию фотопортрета Толстого, да еще и кассета, которая «была доставлена на руках в Москву».

Век минул с тех пор, как написал это письмо Сергей Михайлович Прокудин-Горский. Интересно, что же через столетие покажется в нашем компьютеризированном 2010 году таким же наивным и архаичным? Представить трудно...

А что останется, или точнее, что донесем мы до века грядущего? Какие следы оставим в мировой цивилизации? Какой вклад внесем в культуру нашу духовную, изобретения научные, отношения человеческие высокие?

Поговорим по сотовым телефонам «со всеми обо всем» с дешевыми «входящими и исходящими» и исчезнем в небытие... Нечем нас будет вспомнить... Не хочется так думать, да и несправедливо.

Найдут все же потомки наши, за что гордиться и нашим временем.

Но вернемся к фотопортрету Льва Николаевича.

Сергей Михайлович рассказывал о некоторых деталях:

Фотографирование произведено в пять с половиною часов вечера, тотчас после верховой прогулки Льва Николаевича... В печати портрет воспроизведен без всяких поправок и прикрас, чтобы сохранить всю ценность подлинности воспроизведения.

К этому времени уже были созданы живописные портреты Толстого такими талантливыми художниками, как Иван Крамской (1873 г.), Николай Ге (1884 г.), Илья Репин (1887 г.).

Уже существовала фотогалерея, выполненная супругой Льва Николаевича Софьей Андреевной Толстой, а также фотографиями Чертковым и Буллой.

Каждый из этих портретов драгоценен. Но трудно было остановить мгновение напряженной духовной жизни Толстого, отразившееся на его лице, более достоверно, чем это сделал Прокудин-Горский. Передана строгость мудрости и красота бесстрашия мысли писателя.

Запечатлено лицо великого писателя, всем своим творчеством защищавшего жизнь от насилия и фальши, от попрания внутренних, духовных прав человека.

В 1906 году Русское фотографическое общество в Москве избрало Сергея Михайловича своим почетным членом, а фотографический отдел Императорского русского технического общества (ИРТО) — своим председателем.

Сергей Михайлович выступил там с научным докладом о состоянии литейного дела в России. Он был опытным практиком, всю жизнь проработавшим на Гатчинских колокольных медеплавильных и сталелитейных заводах.

Возглавлял эти заводы известный металлург, один из основателей отечественного сталепушечного производства генерал-майор Александр Степанович Лавров, отец жены Сергея Михайловича — Анны Александровны Лавровой.

Сохранилась фотография Анны Александровны, которая женственностью облика и одновременно твердостью духа напоминала Софию Ковалевскую — первую в мире женщину-профессора, члена-корреспондента Петербургской академии наук. Мало кто знает, что она, знаменитый ученый, получила известность еще и как писательница, написала талантливую книгу «Воспоминания детства», читала лекции в Швеции, дружила со шведским королем.

Сергей Михайлович Прокудин-Горский был богато одаренным человеком: он не только изобретатель цветной фотографии, но еще музыкант и художник.

Получил известность как талантливый скрипач. Выступал в любительских концертах.

Многие часы проводил в стенах Петербургской академии художеств, изучая искусство. Брал даже приватные уроки живописи.

На «Выставке фотографий» продемонстрировал снимки, сделанные с полотен старых мастеров. Это особо тонкая работа, ибо на снимке нужно передать текстуру холста и способ наложения мазка, даже нажим кисти художника, донести до зрителя всю притягательность и обаяние живописного подлинника.

В начале 1900-х годов у Сергея Михайловича на Большой Подъяческой, 22 появилась собственная фотографическая мастерская и лаборатория. Это здание со старинными чугунными решетками,

воротами и стеной без окон во дворе, увитой плющом, сохранилось до наших дней.

Почему бы в нем, поддержав культурную традицию Петербурга, не открыть пусть совсем небольшую музейную экспозицию? Она могла бы получиться интересной: вещи того времени, фотоприборы, фотографии, выполненные Сергеем Михайловичем, а также написанные им книги «О фотографировании моментальными ручными камерами», «Указание для любителей: О печатании (копировании) с негативов» и др.

Начал даже выходить пользовавшийся большим спросом журнал «Фотограф-любитель», редактором которого и автором публикуемых материалов был сам Сергей Михайлович.

Здесь уместно заметить, что Сергей Михайлович, как впрочем, и все Прокудины-Горские, отличался щепетильной скромностью в вопросах личной славы. При экспонировании пластин на многочисленных выставках Сергей Михайлович обычно говорил «мы добились» или «нам удалось». На этикетках стояла скромная надпись: «Пластины очувствлены по способу автора»...

В Отрадном, где жили Прокудины-Горские, существовали свои легенды о Сергее, которые дошли до меня от моих бабушек.

На Орловщине он бывал не так уж часто, потому что много ездил и подолгу жил в Петербурге.

Приезды Сергея в Отрадное всегда были яркими, его ждали, ему радовались. Вид у него был как у заправского путешественника, в высоких сапогах, с палкой в руках и тяжелой поклажей, наполненной фотоаппаратурой и стеклянными негативами.

Сергей был старше на 16 лет самого младшего из братьев Прокудиных-Горских — Владимира (моего деда), и потому, видимо, считал своей обязанностью заменять ему отца.

Он задавал ему переводить с французского «Детскую книгу о жизни Наполеона» и повторял слова этого полковнца: «В жизни можно всего добиться силой духа и ума». А на вопрос «И ты так считаешь?» отвечал: «Я бы спорить с Наполеоном не стал, но считаю, добиться можно всего трудом. Однако уметь думать обязательно».

Сергей учил играть в шахматы, считая, что это развивает «мыслительные способности». Но если кто-нибудь из братьев делал неудачный ход, он торопливо говорил: «Ну, это не считается, это не считается. Подумай хорошенько и ходи снова».

Позже, когда Владимир Михайлович и Мария Петровна поженились, Сергей сделал их фотографии, продолжив традиции парных живописных портретов в дворянских особняках.

Выгоревшие, в коричневатой дымке, эти фотопортреты и сейчас висят у нас и всмотрят на нас, серьезно и печально...

Сфотографировал Сергей Михайлович и свою маленькую племянницу Машеньку (мою маму). Он очень любил детей, относился к ним со всем уважением, как к самостоятельным личностям.

Он рассказывал Машеньке сказки и показывал на стене тени от скрещенных пальцев, изображавшие разных зверей. А она платила ему обожанием и великой преданностью.

Как-то раз Владимир Михайлович разбудил ее ночью:

— Машенька, садись, дочка на горшочек.

А та сонным голосом, но очень твердо ответила:

— Я не Машенька, я дядя Сележа.

— Хорошо, хорошо. Садитесь, пожалуйста, дядя Сележа, на горшочек.

Хочется остановиться на малоизученной страничке творчества Сергея Михайловича — на детских портретах.

В фотографии «Машенька Прокудина-Горская» бросается в глаза умение поймать высшую точку душевного напряжения у совсем маленького человечка.

У Машеньки в ее 12 месяцев жизни на лице схвачено ничем не прикрытое удивление, недумение, почти испуг — «Вот какой он, этот огромный и сложный мир, в котором я оказалась!» Но сквозь страх на этом детском личике проглядывает жгучий интерес и какая-то почти взрослая сдержанность, словно Машенька хочет сказать: «Подождите, подождите, дайте разобраться». Поза девочки показывает ее некоторую растерянность, но стоит она крепко, как видно, не собираясь убежать или звать маму.

Когда Мария Петровна увидела эту фотографию, она воскликнула: «Да какая же прелесть, моя Машенька! Ни один фотограф не сумел бы так изобразить мое сокровище». На что Сергей Михайлович ответил: «Ни у одного фотографа нет такого сокровища в племянниках!».

Владимир Михайлович, внимательно рассмотрев изображение своей маленькой дочки, заметил: «Никто не заподозрит в этом человеке ни малейшей неискренности».

Сама же «портретируемая» настойчиво просила, чтобы и ей показали, что все смотрели, и не успокоилась, пока не подержала в руках фотографию кверху ногами.

В детских фотографиях Сергей Михайлович умел передать состояние души, раскрыть характер и как бы «предсказать», прозреть судьбу.

Мама хорошо помнит, как в ее детстве к ним в Отрадное приезжал «дядя Сележа», как она называла Сергея Михайловича, а также «дядя Длей» (Андрей Михайлович) и «дядя Коля» (Николай Михайлович).

Запомнила она и театр, куда ее возили смотреть «красивых фей» (на балет «Спящая красавица»?). Но ее почему-то не пускали на сцену танцевать вместе с феями. Папа ей сказал — потому, что свой танцевальный костюм и шаль с кистями они оставили в Отрадном.

Больше всего Машенька стремилась попасть в комнату Сергея Михайловича, но он не разрешал входить туда без него, и она никогда не нарушала запрета.

На стенах этой комнаты висели медальоны Федора Толстого и фотографии, исполненные Сергеем Михайловичем.

Особенно он радовался своему снимку «Вид монастыря в Ниловой пустыне на озере Селигер», сделанному в 1910 году.

Монастырь получился легким, воздушным, словно колокольня и купола плывут вместе с облаками. Таковую красоту в множественности оттенков голубого, такое богатство и насыщенность светотени мог увидеть в природе и запечатлеть на пластине только истинный художник!

Еще одно фотографическое изображение, полученное Сергеем Михайловичем и названное «Урожай», рассказывает о жизни крестьян и построено как живописное произведение. На память приходят «Рожь» Шишкина или «Косари» Мясоедова. Глядя на фотокартину Прокудина-Горского, погружаешься в красоту золотого поля созревших колосьев, уходящего до самого горизонта.

Хотя первоначально Сергей Михайлович отводил фотографии лишь «протокольное» назначение, многие его работы свидетельствуют о том, что со временем мастер стал видеть в фотографии возможности подлинного искусства.

По его фотографиям восстанавливаются сегодня памятники древнего зодчества, соборы и монастыри, которые, казалось, уже утеряны безвозвратно. Но и сами эти фотографии, как и изображенные на них

возносящиеся к небу соборы с позолоченными куполами, стали драгоценными образцами национальной гордости.

Потомственный русский интеллигент, Сергей Михайлович внес значительный вклад не только в историю фотографии.

Ему были близки поиски Льва Толстого, гениального русского писателя и философа, графа, отказывавшегося от своего «графства». Он, Прокудин-Горский, стремился создать зримую панораму «войны и мира».

Своими фотографиями крестьянских детей в поле, возле собора или возле какой-нибудь далекой околицы, залитой солнцем, Сергей Михайлович ставил вопрос, мучавший Достоевского, стоят ли все блага цивилизаций одной слезы ребенка.

Как Достоевский и Толстой, Прокудин-Горский своим творчеством решал самую важную, в том числе и для него самую проблему — о месте человека в этом мире.

Тема дороги настойчиво звучала в то время в русской пейзажной живописи, особенно в творчестве И. Левитана. Эту же тему раздумий о жизненном пути человека и человечества мы встречаем в фотонаследии Прокудина-Горского, являвшегося выразителем лучших гуманистических традиций русской культуры, многие из страниц которой особенно ярко воспринимаются именно через его фотографии. Недаром в наш современный век его фотонаследие пользуется такой любовью у молодежи.

Нет сейчас, наверное, молодого человека, который бы не знал его изобретения. И сидя перед компьютером, не вглядывался бы во все новые и новые серии его фотографий. Не вникал бы в суть его открытий и не восхищался бы той величавой статью, которой предстает Россия в тысячах его снимков.

А сколько людей, и каких разных, мы встречаем сегодня в этом «фотоинтернет-сериале» Прокудина-Горского. Кто-то узнает в них своих предков, а кто-то знакомые и уже стершиеся с лица земли места их малой родины.

И за все это низкий поклон этому чудаку, правдоискателю, путешественнику и изобретателю с очарованной душой — Сергею Михайловичу Прокудину-Горскому.

Его собственные фотоавтопортреты никогда не повторяют друг друга, в них разные грани осмысления жизни. Вот он со своими детьми. Им, потомкам, следующим поколениям, завещает он свое дело.

С посохом в руках на горных вершинах запечатлел себя вечным странником.

Со строителями на дрезине испытывает новую дорогу.

Перед пенящимися водяными ступенями водопада осмысливает проблемы вечности и бытия...

Его автопортреты за письменным столом, за фотоаппаратом в фотолаборатории — все это длинный путь непрекращавшихся исканий, которые он должен предъявить человечеству, оставить как свое духовное завещание.

У него был разработан грандиозный проект «Отечествоведение». Это было для него главной жизненной задачей. Отсюда и опыты, которые он проводил, и его поездки по всей России, совсем не туристические, не красот ради. Кровью его сердца, ищущего, благородного, преданного России, были окрашены все сделанные им фотоснимки.

Он отважился на свой собственный проект фотофиксации городов и народов России. Но большая часть провинций и областей оставались недоступной для обозрения, кое-где съемки были вообще запрещены...

Председатель Петербургского фотографического общества великий князь Михаил Александрович посоветовал Сергею Михайловичу показать свои снимки императору... Николай II был восхищен «образом России», представшим перед ним в фотоколлекции, и через некоторое время Прокудину-Горскому выдали документы.

«Его Императорское Величество высочайше дозволяет пребывать в любых местах независимо от секретности», — говорилось в них. И объявлялось, что император считает миссию, возложенную на Прокудина-Горского, столь важной, что все официальные лица должны ему содействовать «в любом месте и в любое время».

Пульмановский вагон, в котором отныне стал ездить Прокудин-Горский, был оснащен всем необходимым для работы, а также горячей и холодной водой. В этом вагоне кроме Сергея Михайловича размещались его ассистенты, среди которых был его 22-летний сын Дмитрий.

Но вскоре началась Первая мировая война...

Сергей Михайлович отдал в Российскую армию свой пульмановский вагон.

Исследовательские разработки по цветной фотографии в годы Первой мировой войны продолжал за свой счет.

Стал работать экспертом в комитете, контролировавшем поступления фото- и киноматериалов из-за рубежа. В обязанности С.М. Прокудина-Горского входило просматривать все поступавшие кинофильмы. Кроме того, он снимал тренировки летчиков, военные действия, первые победы России на Восточном фронте, и первые поражения.

Выполняя задания министерства, запечатлел строительство Мурманской железной дороги, которая должна была обеспечивать линию поставок между Россией и ее французскими и британскими союзниками.

Принято считать, что в России того времени было два выдающихся фотографа: Карл Карлович Булла и Сергей Михайлович Прокудин-Горский. Но если первый был более фотограф петербургский, снимавший быт и жизнь столицы, то в поле зрения второго попадала вся Россия.

Прокудин-Горский стремился отразить все разнообразие жизни России: ее будни, ее труд, природу, а также жизнь и быт малых народов.

Однако он не был единственным в этом направлении. В конце XIX века в России работали такие первоклассные фотографы как В. Высоцкий, С. Левицкий, В. Каррик, П. Павлов, М. Дмитриев и другие, создавшие фотосерию с ландшафтами, портретами и бытовыми сценками.

Сергей Михайлович, конечно, был знаком с их работами и, вероятно, в чем-то сотрудничал с ними. Возможно, кому-то из них он и адресовал фотографию со своей благодарностью, хранящуюся теперь в семейном архиве московских Прокудиных-Горских (Земляковых).

После 1917 года Сергей Михайлович был, как удалось выяснить исследователю С. П. Гараниной, назначен по указанию наркома просвещения А. В. Луначарского профессором Фотокиноинститута, открываемого в Петрограде.

Свои снимки Прокудин-Горский дважды демонстрировал в марте 1918 года в Николаевском зале Зимнего дворца на вечерах «Чудеса фотографии».

Эти вечера с «волшебным фонарем» были организованы Народным комиссариатом просвещения.

В зале собиралось около 2000 солдат и матросов...

Это были последние публичные выступления Сергея Михайловича Прокудина-Горского на родине.

Шел последний год его жизни в России...

Беженец без средств, без дома, без имени, прошедший Норвегию, Англию, Францию с чемоданом фотопластинок, художник-историк, увезший с собой то, что уже никогда не вернется: цветные картины погибшего мира, — писала Надя Дениз в своей книге «Цвета ушедшего мира».

Он умер в 1944 году в Париже, в «Русском доме» — приюте для русских эмигрантов при православной церкви на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Умирал в приюте, глядя из окон на кладбище, которое его ожидало.

Финал этой человеческой судьбы близок по общей, щемящей тональности к судьбе Ивана Бунина, еще одного знаменитого русского эмигранта, похороненного там же, девять лет спустя, в ноябре 1953 года.

Кладбище Сент-Женевьев-де-Буа (Sainte Genevieve des Bois, Святой Женевьевы в лесах) основано в 1927 году по инициативе княгини Веры Мещерской. Это главный некрополь русской эмиграции в Париже. На нем погребено около 10 000 русских, на могилах которых высечены известные всему миру имена Сергея Лифаря, Зинаиды Серебряковой, Петра Струве, Феликса Юсупова, Матильды Кшесинской и др.

Богатейшую фотографическую коллекцию Прокудина-Горского его семья, живя в Париже, продала Конгрессу США.

Женат был Сергей Михайлович дважды: на Анне Александровне Лавровой и во втором браке на Марии Федоровне Щедриной.

От первого брака у него было трое детей: Дмитрий, Екатерина и самый младший Михаил (1895 г. рождения). Мальчики закончили полный курс Гимназии Карла Мая в Санкт-Петербурге.

Этот факт любезно сообщил мне Никита Владимирович Благово, автор интересной книги о Гимназии Карла Мая под названием «Школа на Васильевском острове».

Позвонивший мне Н.В. Благово взволнованно спрашивал: «У нас в гимназии учился мальчик Дима Прокудин-Горский и его брат Миша. Они оба „Сергеевичи“.

Вы знаете этих мальчиков? Какая у них дальнейшая судьба?».

Есть еще сейчас в России, на родине Сергея Михайловича, люди, которые называют его сына Дмитрия Сергеевича, умершего в Париже в 1963 году, «мальчиком».

Им не безразлична судьба «мальчика Миши Прокудина-Горского», который сто лет назад закончил Гимназию Мая на Васильевском острове.

Миша, еще будучи гимназистом, вместе со своей старшей сестрой Катей послал в Рождество 1907 года поздравительную открытку своему дяде:

Дорогой дядя Саша!

Поздравляем тебя и все твоё семейство с Новым Годом и желаем провести его счастливо. Целуем тебя крепко, крепко.

Привет твоему семейству.

Катя и Миша.

25/X11 1907.

Прошло время...

В архиве Федеральной службы безопасности Санкт-Петербурга и Ленинградской области хранятся материалы, из которых следует, что в 1920-м году, когда Сергей Михайлович уже покинул Россию, его сына Михаила, оставшегося в Петрограде дважды арестовывали.

Первый раз 2 сентября 1920 года:

Привлекался за принадлежность к партии эсеров. На допросах отрицал всякую возможность принадлежности к любой партии — «Ни в каких политических партиях не состою».

Михаил Сергеевич Прокудин-Горский

дата рождения: 26 июня 1895 г.

Семейное положение: живу с матерью Анной Александровной Прокудиной-Горской (49 лет)

адрес: ул. Верейского, д. 40, кв. 1

студент Технологического института

происхожу: из дворян Владимирской губернии

место трудовой деятельности: электротехническая артель „ПРЭН“, электромеханик

Освобожден 01.11.1920 г. за недоказанностью обвинений.

Второй раз проходил по делу о забастовке на заводе.

После этого жена Сергея Михайловича Анна Александровна Лаврова была вынуждена покинуть Петроград и эмигрировать в Париж со своими детьми.

* * *

Сейчас внуки и правнуки Сергея Михайловича живут в Париже. От первого брака внуки Иван и Дмитрий Свечины, от второго — Мишель Сусалин.

Мишель — известный французский врач, хирург, очень дорожит памятью своего деда.

У нас хранится, — рассказывает он, — много семейных реликвий, доставшихся от деда. Это тетрадки, где он записывал все свои наблюдения и мысли, а также его фотографии и книги.

Я тоже люблю фотографировать, хотя до моего деда мне очень далеко!

Чаще мне приходится использовать цифровую камеру для работы — я врач, занимаюсь пластической хирургией.

А не так давно я получила из Парижа статью, написанную Дмитрием Свечиным о своем деде.

Дмитрий — журналист, работал с камерой в руках, был в Алжире, Марокко, делал международные репортажи.

Это он, худеньким грустным мальчиком, уткнувшимся лбом к какому-то забытому богом углу, изображен на известной фотографии Сергея Михайловича Прокудина-Горского «Внук Дима» (1925 год).

Эту прелестную фотографию можно причислить к одним из лучших детских портретов в русском искусстве «рубежного периода» по тонкости психологического проникновения в мир детской души, такой светлой и такой ранимой.

Это был первый год эмиграции родителей Димы в Париже. Мальчику 5 лет.

Во всей его фигурке выражена грусть, на которую только способна детская душа. Его «вынули» из дома и привезли в чужой город. Под ногами у него длинная лужа, в которой отражается серое небо и розовый летний костюмчик. Он прижался к стене, словно это единственное место, где можно найти приют в горькую минуту своего детского одиночества.

А рядом, прислонилось к его боку маленькое рыженькое существо. Только оно, единственное, и понимает Диму, только оно разделяет с ним тоску по той детской комнатке, в которой он провел детство, и которая осталась где-то далеко, где брошены все остальные его игрушки.

Это существо маленькая плюшевая обезьянка.

«Я хорошо помню мою фотографию с обезьянкой, — написал мне Дмитрий Николаевич в письме от 24 октября 2009 года. — Помню, что она была моя любимая игрушка, я ее звал „Абзя“ и, вероятно, это была единственная моя игрушка, взятая со мной в беженство».

Привожу с некоторыми сокращениями статью Дмитрия Свечина о Сергее Михайловиче, предназначенную для парижского журнала «Костер»:

ЦВЕТНЫЕ ФОТОГРАФИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Около 100 лет тому назад, в самом начале 20-го века, в России жил известный ученый фото-химик Профессор Сергей Михайлович Прокудин-Горский (1863–1944).

Он был одним из первых пионеров в мире по цветной фотографии.

Система Профессора была, вкратце, следующая:

- На одном продолговатом стеклянном, черно-белом негативе, панхро-чувствительном (то есть чувствительным на все цвета спектра), по его патенту и изготовлению, он своей камерой делал тройной снимок, каждый через один из трех дополнительных светофильтров (синий, красный и желтый).

- С этих негативов, он делал стеклянные черно-белые диапозитивы, которые он проектировал на экран, также через дополнительные основные светофильтры. Прибор его изобретения проектировал синие, красные и желтые изображения в совершенном совмещении всех деталей.

Результат на экране был удивительного качества.

Те же оригинальные негативы употреблялись для печати, например в типографии.

После революции, покидая Россию, Профессору удалось вывезти около двух тысяч негативов этих снимков, и несколько альбомов с фотографиями и записками. Эта коллекция оказалась, наконец, в Париже, в семье, попавшей в эмиграции во Францию.

В 20-ых годах Профессор со своими сыновьями, Димитрием, Михаилом и дочерью Екатериной (моей матерью), открыл фотолабораторию и студию в Париже. До начала войны 1939-го года они работали, продолжая разрабатывать технику. Выпускали уже цветные фотографии на бумаге, единственные в то время во Франции, для профессиональных клиентов.

После войны, сыновья возобновили деятельность, с моей мамой. Профессор умер, а его коллекция хранилась у семьи, как могла, но в эмигрантских условиях, сохранность негативов была в опасности. В 1946-м году я тоже (мне было 26 лет) стал с ними работать, в лаборатории и на съемках.

В 1947-м году мы решились эту коллекцию продать американцам, Рокфеллерскому Фонду, за 3500 \$. Всю коллекцию переслали в Вашингтон, в Библиотеку Конгресса С. Ш. А. Американцы проявили большой интерес к Профессорской коллекции. Классифицировали тщательно, в наилучших условиях сохранности, и со временем издали о ней несколько книг, устроили выставки, и много о ней писали в ученых органах. В 2000-м году они оцифровали все негативы, обеспечивая, таким образом, их сохранность.

В июне 2001-го года, в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне состоялась выставка более ста цветных первоклассных снимков из этой коллекции, с объяснениями истории и значения каждого из них.

Выставка продолжалась по 11-го августа под названием «THE EMPIRE THAT WAS RUSSIA» (Империя, которая была Россия). В огромном здании Библиотеки им был посвящен целый отдел.

Кроме выставленных первого качества цветных фотографий, сделанных по лучшей последней электронной технике, Библиотека Конгресса оцифровала на Интернет полностью всю коллекцию.

Все это — хорошая иллюстрация дореволюционной русской науки и техники и замечательное картинное свидетельство тогдашней глубокой России.

Димитрий Свечин

Сегодня, посетив на сайте Библиотеки Конгресса виртуальную выставку фотографий Прокудина-Горского, можно ознакомиться и с отсканированными фотоизображениями, и со всеми цветными фотографиями, и с листами его 12 фотоальбомов.

«Цветные фотографии черно-белой эпохи» Сергея Михайловича Прокудина-Горского вызывают сейчас живейший интерес

и множество практических вопросов о том, как самостоятельно получить цветные фотографии с черно-белых снимков, сделанных в начале прошлого века.

Изобретения его востребованы в наши дни и спустя почти столетие по-прежнему служат россиянам.

* * *

Отцом Сергея Михайловича, а также отцом моего деда Владимира Михайловича был Михаил Николаевич Прокудин-Горский. Служил в гренадерском полку. Добрейшей души человек, деликатнейший, около двух метров роста, легко гнул подковы.

При этом страстью его души была литературная деятельность. Но в отличие от знаменитого своего предка, писателя Михаила Ивановича Прокудина-Горского, он писал не оды и комедии, а очерки-воспоминания о своей военной походной жизни. Читал их своим друзьям, и его любили слушать.

Из этого родилась еще одна страсть его жизни — описание ратных подвигов Прокудиных-Горских.

Михаил Николаевич родился в год смерти Пушкина, в 1837 году.

Пушкин оставался его любимым персонажем русской истории и культуры, а также примером для подражания. Пушкин изучал жизнь своих предков, и с осуждением писал: «У нас некоторые гордятся больше звездой, чем славой своих предков».

Михаил Николаевич трепетно относился к высказываниям Пушкина на эту тему, мог, наверное, подписаться и под другим пушкинским изречением: «Изучение истории дворянских родов России есть изучение истории российского народа».

Хорошо зная многие страницы жизни своих предков, Михаил Николаевич взялся за составление летописи, саги о Прокудиных-Горских, начиная со времен Куликовской битвы...

Сага о храбрых воеводах, потомственных московских дворянах Прокудиных-Горских так и осталась незаконченной, хотя состояла из нескольких томов пожелтевших со временем листов, исписанных красивым старинным почерком.

Этим Михаил Николаевич увлек своего сына Владимира. Снаряжал его в дальние губернии к его дядьям, двоюродным, троюродным

братьям, которые рассказывали или писали все, что знали о жизни, событиях и военных подвигах Прокудиных-Горских.

Главной чертой отца моего деда была честность. Он как будто жил под знаком своего герба — весами Фемиды. Справедливость во всем — в крупном и в мелочах — служила потомственным символом рода.

В вопросах чести мой прадед оставался крайне щепетилен. По его мнению, честь и бесстрашие — доблести настоящего воина, мужчины.

Человек храброго сердца Михаил Николаевич любил повторять: «Нет страха — нет старости».

Понятия чести — главное, что было положено в основу воспитания его сыновей.

О характере Михаила Николаевича и той атмосфере, в которой воспитывался мой дед, дает представление следующий эпизод.

Однажды сын друга-однополчанина Михаила Николаевича крупно проигрался в карты. Сумма большая, а взять ее неоткуда. Ему и всей его семье грозило не только разорение, но и потеря дворянской чести.

Тогда Михаил Николаевич пошел к себе в кабинет, вынул из потайного ящичка секретера старинный перстень и отдал другу эту семейную драгоценность.

После этого изменилось материальное положение самого Михаила Николаевича. Изменились и отношения в семье. Его первая жена Мария Николаевна, не могла простить ему подрыва семейного благосостояния. Острая психологическая коллизия привела к длительному изматывавшему бракоразводному процессу.

Во втором браке Михаил Николаевич был женат на Евдокии Ивановне, которая во всем поддерживала мужа. Она помогла ему также в составлении летописи Прокудиных-Горских.

Михаил Николаевич многие годы избирался дворянским заседателем. Был губернским секретарем, «почетным блюстителем» Мытского училища Гороховецкого уезда, чиновником Совета Императорского человеколюбивого общества, где многого сумел добиться.

У Михаила Николаевича было, как удалось сейчас выяснить, семеро детей. Самый старший Сергей, будущий изобретатель цветной фотографии, родился в 1863 году.

Затем две дочери: Мария и Юлия и сыновья Андрей и Александр.

Мария вышла по любви замуж за офицера, уехала с ним в Санкт-Петербург, имела двух детей, мальчика и девочку.

Андрей гордился своей женой-красавицей. Она была одарена музыкально, прекрасно играла на арфе. В их доме устраивались музыкальные салоны.

Александр был женат на Евгении Ивановне и имел сыновей Юрия и Вадима.

В 1878 году у Михаила Николаевича родился сын, названный в честь деда Николаем; а в 1879 году — Владимир. «Владимир — Ясно Солнышко», имя, которое обращало к древним временам и «ко городу Владимиру».

Николай в 17 лет вступил на военную службу.

Защищая честь любимой женщины, дрался на дуэли. Делая это, он объяснялся ей в любви.

И хотя после этого его отослали в Ташкент, а затем в Мукден, в Маньчжурскую армию, любящим сердцам удалось все-таки через несколько лет соединиться.

Они жили счастливо и имели несколько детей.

Мгновения жизни в Отрадном этой большой, дружной и счастливой семьи столбовых дворян Прокудиных-Горских запечатлела старинная фотография.

Скорее всего ее сделал Сергей Михайлович.

Семья Ростовых из «Войны и мира» выглядела бы на фотографии, наверное, очень похоже. Сам дух творчества Толстого — «Бог есть любовь» — был внутренним, потомственным свойством семьи Прокудиных-Горских. Недаром фотография Льва Толстого, сделанная Сергеем Прокудиным-Горским, до сих пор считается одним из лучших фотопортретов писателя.

С сильно выгоревшей фотографии смотрят на нас господа офицеры, проступают черты этих людей — ярких, благородных, никогда мною не виденных, но таких близких и родных мне.

В верхнем ряду этого семейного портрета выделяется романтик Владимир (мой дед), единственный в молодой веселой кампании, сохраняющий сосредоточенность. Всадник, скачущий навстречу жизненным бурям ради спасения справедливости. Кавалерийский офицер. Домашнее прозвище — «Рыцарь».

Правее, в нижнем ряду — Николенька, отчаянный весельчак и балагур. Имел множество наград за лучшие показания в офи-

церской стрельбе. Был настоящим снайпером. Дома его называли «Стрелок».

Кажется, именно об этой фотографии и об эпохе, которую она остановила на миг, Александр Блок писал:

Сила, юность, надежда...
В закатной дали
Были дымные
тучи в крови...

Это последние мгновения «мира» в истории этой семьи, в истории XX столетия. Сцены «войны» остались за кадром.

В 1920-е годы дом в Отрадном оказался сожженным, безвозвратно пропали книги, рукописи, живописное собрание портретов Прокудиных-Горских.

Пелагея Петровна Нарышкина вместе с маленькой Машей Прокудиной-Горской отправились на поиски Прокудиных-Горских к старой кухне Владимира Михайловича, которая жила в Нижнем Новгороде, и у которой часто гостила молодая компания, запечатленная на фотографии.

Еще издали в доме с множеством балконов, верандочек и эркеров в раскрытом окне первого этажа они увидели Марию Дмитриевну. В проеме узорчатого окна на фоне освещенной солнцем комнаты она в своем белом одеянии казалась воздушной и призрачной, как отражение в старинном потемневшем зеркале.

Весь свой дом она отдала, и в нем теперь размещался дом отдыха; были раненые, которые лежали с высоко поднятыми «гипсовыми ногами».

Она ходила по своему-чужому дому, стараясь не шуметь, чтобы «не беспокоить больных и раненых». Во все двери, кроме единственной своей, стучалась и ждала разрешения войти.

Ее седые волосы, бледное породистое лицо с огромными темными глазами, белоснежный кружевной пеньюар делали ее в эти минуты похожей на привидение. Раненые называли ее «матушкой», а отдыхающие приносили ей из столовой тарелку супа.

О «своей молодежи» — о молодых Прокудиных-Горских, которые раньше часто гостили у нее со своими детьми, — она ничего не знала: «Вот уже несколько лет никто не навещал...».

Сергею Михайловичу, эмигрировавшему в 1918 году, удалось сохранить жизнь своим потомкам и своим фотографиям, воспевавшим родную Россию.

Могилу Владимира Михайловича мы сумели найти только в 2005 году.

* * *

О деде моем — Владимире Михайловиче Прокудине-Горском — много рассказывал его товарищ по юнкерскому Кавалерийскому училищу Дмитрий Несвицкий. Среди гвардейцев ходили легенды о Владимире Прокудине-Горском, его исключительной храбрости и исключительной порядочности.

Будучи прекрасным наездником, Владимир Прокудин-Горский держал первые места на конных скачках.

Во время одной из них, когда весь ипподром гудел от напряжения, а зрители повскакали с мест, «болея» за него, Владимир дал возможность обойти себя, передав тем самым лавры победителя незнакомому публике юному всаднику.

На возмущения, что он, «сильнейший», уступил первенство, спокойно ответил: «Сила без благородства — варварство. Среди офицеров должны быть первые, но не должно быть последних...»

В 1905 году он был командирован, как удалось узнать из архивов, в город Двинец для формирования шести военно-санитарных транспортов. Стал командиром 41 военно-санитарного транспорта.

С 1907 по 1913 год избирался земским начальником Тверской губернии. К нему обращались даже из других городов, верили, что решит по справедливости.

Когда же в дворянском собрании сетовали, что он слишком много тратит времени на чужие беды, да и просьбы-то де из другой губернии, он отвечал: «На дворянском гербе Прокудиных-Горских вот уже полтысячи лет стоит знак справедливости — весы правосудия.

Справедливость не принадлежит губерниям. Она принадлежит Богу и человеку. Справедливость исповедывали мои прадеды, ее будут исповедывать мои правнуки».

Собрал обширную коллекцию гербов, старинных карт и чертежей Москвы и Московской губернии.

Когда началась Первая мировая война, пошел на фронт в кавалерийский полк.

Кавалеристом ушел на Первую мировую и Николай Гумилев, офицер царской армии, талантливый поэт, муж Анны Ахматовой.

Он оставил «Записки кавалериста». Наверное, многое из того, о чем писал в них Гумилев, испытал и мой дед:

Пальба уже стихла, когда я присоединился к разьезду. Корнет был доволен. Он открыл неприятеля, не потеряв при этом ни одного человека. Через десять минут наша артиллерия примется за дело.

А мне было только мучительно обидно, что какие-то люди стреляли по мне, бросили мне этим вызов, а я не принял его и повернул. Даже радость избавления от опасности нисколько не смягчила этой внезапно закипевшей жажды боя и мести.

Теперь я понял, почему кавалеристы так мечтают об атаках.

Налететь на людей, которые, спрятавшись в кустах и окопах, безопасно расстреливают издали видных всадников, заставить их бледнеть от все учащающегося топота копыт, от сверкания обнаженных шашек и грозного вида наклоненных пик.

Своей стремительностью легко опрокинуть, точно сдунуть, втрое сильнейшего противника, это — единственное оправдание всей жизни кавалериста.

В той войне наша армия потеряла убитыми, ранеными и пленными только за один, 1915 год, два с половиной миллиона человек. «Кровавая бойня».

Уходя на фронт, Владимир Михайлович отдал в воинскую часть своих лучших скаковых коней. Он не раз говорил, что этим надежным, верным и благородным «товарищам человека в бою» нужно поставить памятник.

В своем доме под Орлом разместил лазарет для раненых.

Владимир Михайлович был стремительным в бою, сдержанным в общении, преданным друзьям и нежным к жене и дочке — к «своим двум Машенькам».

Во время Первой мировой войны Владимир Михайлович познакомился со своей любовью и будущей женой Марией Петровной Пушковой, которую называл своей «чудотворной иконой».

Мария Петровна закончила хирургическое отделение сестер милосердия Общины Св. Евгении в Санкт-Петербурге под патронатом принцессы Е. М. Ольденбургской.

Совсем девочкой получила награды «За мужество», «За попечение о раненых и больных воинах», «За оборону Порт-Артура».

Лицом и станом была красавица. Когда своим печальным сербренным, как колокольчик, голосом заводила «Не шей ты мне, матушка, красный срафан», раненые смахивали слезы.

После венчания они некоторое время время жили в Петрограде.

На балах в Офицерском собрании они с Владимиром Михайловичем считались одной из самых красивых пар.

Ходили в Мариинский театр. Владимир Михайлович был знаком с примой Матильдой Кшесинской. Вместе с женой Марией Петровной он часто заходил к ней.

Примадонна повторяла одну и ту же любезность, что «Вольдемару (Владимиру Михайловичу) нет равных в мазурке, а императорская сцена многое теряет, что чаровница Мари (Мария Петровна) не выходит на нее».

Когда у Марии Петровны должен был родиться ребенок, Прокудины-Горские поехали в дом Владимира Михайловича под Орлом — Отрадное.